ПАВЕЛ
МЕЛЬНИКОВ-ВЕЧЕРСКИЙ
ПИСЬМА О РАСКОЛЕ
Литрес

Павел Иванович Мельников-Печерский
Письма о расколе

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2377575
Княжна Тараканова и принцесса Владимирская : повести, рассказы, письма, очерк / Павел Мельников (Андрей Печерский).: Эксмо; Москва; 2011
ISBN 978-5-699-52030-5

Аннотация

«Раскол и раскольники представляют одно из любопытнейших явлений в исторической жизни русского народа. Но это явление, хотя и существует более двух столетий, остается доселе надлежащим образом неисследованным. Ни администрация, ни общество обстоятельно не знают, что такое раскол. Этого мало: девять десятых самих раскольников вполне не сознают, что такое раскол. А между тем русская литература в двести лет произвела более сотни книг, относящихся к расколу, не говоря о журнальных статьях последнего времени».

Содержание

Письмо первое 4
Письмо второе 18
Конец ознакомительного фрагмента. 28

Павел Иванович Мельников-Печерский
Письма о расколе

Письмо первое

Раскол и *раскольники* представляют одно из любопытнейших явлений в исторической жизни русского народа. Но это явление, хотя и существует более двух столетий, остается доселе надлежащим образом неисследованным. Ни администрация, ни общество обстоятельно не знают, что такое *раскол.* Этого мало: девять десятых самих раскольников вполне не сознают, что такое *раскол.*

А между тем русская литература в двести лет произвела более сотни книг, относящихся к расколу, не говоря о журнальных статьях последнего времени. Но что представляют все эти книги? Много ли они разъясняют дело раскола? Многочисленные сочинения полемического содержания касались не сущности дела, но лишь случайных, внешних его признаков, которые иногда не заключали в себе ровно ничего существенного. Еще менее выяснили раскол сочинения исторические. Во всех, решительно во всех этого рода книгах, начиная от книги А. И. Журавлева, говорится очень

много о разных предметах, относящихся к расколу, но очень мало о сущности раскола. Во всех совершенное отсутствие критики; во всех односторонность… Затем, до последнего времени (т. е. до 1857 г.) русская литература не представила никакого другого материала для исследования раскола. Оттого-то вопрос о расколе представляется до сих пор столь неясным, столь запутанным, что для надлежащего разъяснения его путем анализа потребно еще много материалов, много времени и много специалистов. Это совершенно нетронутая почва.

Да, ни наша администрация[1], ни наша литература, двести лет видя пред собою во всех отношениях замечательное явление, до сих пор ясно не понимают, что это за явление.

Да, надо откровенно сознаться, что в продолжение двухсот лет ни русская администрация, ни русская литература ничего почти не сделали для разъяснения этого предмета, предмета темного, не любящего света и к тому же, по стечению обстоятельств, на долгое время поставленного в потемки тайны. Администрация сначала воздвигала костры, потом собирала подать с бороды и рядила раскольников в кафтаны с козырем и знаком на вороту, а впоследствии облек-

---

[1] Правительство не дальше, как в 1853 году, признало необходимым узнать, что такое раскол. Для этого в четырех губерниях специально приготовленными людьми собраны были материалы и на основании их составлены «отчеты о современном состоянии раскола». Эти отчеты не публикованы, но, по счастливому стечению обстоятельств, ими воспользовались г. Щапов и редакторы «Православного Собеседника».

ла все дело раскола в непроницаемую канцелярскую тайну. Литература сперва величаво и подробно рассуждала о том, сколькими пальцами ради спасения души надо креститься и сколько раз говорить «аллилуйя», а потом стала искать в расколе воображаемых качеств, основывая свои воззрения не на личном знакомстве с расколом и раскольниками и не на взгляде их на религию и социальные отношения.

Теперь, когда мы пережили и страшную пору костров, и странную пору тайны, и темную пору схоластического словопрения о сложении перстов и ходах посолонь, теперь, когда все это признано несчастными и неудачными попытками уничтожать раскол, теперь мы знаем о нем все-таки не больше того, сколько знали наши деды и отцы во времена страшных костров, странной тайны и темной, раздражительной схоластической полемики. Мы даже меньше их знаем, ибо больше, чем они, удалились от простого народа. Между тем некоторые сочинения по части раскола, явившиеся в последнее время (с 1857 г.), частью в журналах, частью отдельными книгами, доказали, что русская публика жаждет уяснения этого предмета, горячо желает, чтобы путем всепросвещающего анализа разъяснили ей наконец загадочное явление, отражающееся на десятке миллионов русских людей и не на одной сотне тысяч народа в Пруссии, Австрии, Дунайских княжествах, Турции, Малой Азии, Египте и, может быть, даже Японии[2]. И образованная публика и грамот-

[2] «Путешественник в Опоньское царство», о раскольнической рукописи пер-

ные простолюдины, даже многие, очень многие раскольники чувствуют необходимость узнать, что за явление этот загадочный раскол, о существовании которого двести лет все знают и которого до сих пор никто не понимает. Но сочинения о расколе, явившиеся в последнее время, еще не вполне удовлетворяют возникшей потребности… Впрочем, тем, к сожалению, немногим специалистам, которые знают русский народ и, изучив его в книгах, видали и лицом к лицу раскольников, может быть, еще рано подвергать раскол анализу. Прежде анализа необходимо собрать материалы, все материалы. Прежде чем судить о расколе безошибочно, надобно побольше таких деятелей, как гг. Щапов, Максимов, Есипов, Ламанский, Александр Б…; надобно побольше таких изданий, какими в последнее время подарил публику г. Кожанчиков, надобно побольше таких статей, какие помещаются в «Чтениях императорского московского общества истории», в журнале г. Тихонравова и в сборнике г. Кельсиева.

Материалами для научных аналитических исследований о расколе могли бы служить:

1) Сочинения духовных лиц, писавших о расколе.

2) Сочинения раскольнические: исторические, полемические и пр.

3) Архивные дела разных правительственных учреждений.

Сочинения духовных лиц, несмотря на их односторон-

вых годов XVIII столетия.

ность (они касаются почти исключительно обрядов внешнего богопочитания), составляют довольно важный материал для исследований о расколе. Эти сочинения никогда не составляли секрета; напротив, они печатались для того, чтобы быть распространенными в народе сколь возможно в большем числе экземпляров. Между тем самые важные из них составляют теперь библиографическую редкость. Так, например: «Скрижаль», «Увет», «Жезл правления», «Пращица», «Обличение раскольников» (Феофилакта) теперь находятся лишь в немногих библиотеках, хотя в первой половине прошлого века были разосланы почти во все церковные приходы. Но не только сочинения этого рода, писанные и печатанные в XVII и XVIII столетиях, даже некоторые из недавно вышедших в свет книг составляют в высшей степени библиографическую редкость, например, книга православного епископа Платона Афанацкевича о Белой-Кринице и о раскольничьем митрополите Амвросии, напечатанная в 1848 году, «О духоборцах», профессора киевской академии Ореста Новицкого, и друг.[3] Считаю излишним говорить, как бы полезно было для исторической науки новое издание всех этого рода сочинений. Если возразят указанием на материальные затраты и вопросом: могут ли распродажею книг покрыться эти затраты? – то ответ готов: «Розыск о раскольнической брынской вере», Димитрия Ростовского, имел четыре

[3] Теперь эта книжка в три печатных листа стоит не менее 50 р. Я знаю, что ее покупали и за 100 р.

издания и все-таки составлял библиографическую редкость; в 1855 году напечатали пятое, и теперь, через семь лет, мы уже не встречаем его в книжных лавках, кроме синодальной, да и в той, как слышно, осталось немного экземпляров. Само собой разумеется, что более нужно издание тех сочинений духовных лиц, относящихся к расколу, которые вовсе не были напечатаны и хранятся по разным библиотекам, преимущественно по семинарским.

Не менее важно для успеха исторических исследований о расколе новое издание некоторых рукописных, а также и напечатанных в XVII столетии сочинений, составленных до патриаршества Никона. На этих сочинениях раскольники основывают свои мнения, и поэтому критический разбор их необходим. В особенности желательно было бы видеть в новом издании следующие книги, теперь весьма редкие, книги, без изучения которых шагу нельзя сделать тем, которые желают рассуждать о русском расколе не с ветру, а основательно: 1) «Стоглав», 2) «Потребники», напечатанные в Москве в 1625, 1633, 1636, 1647 годах, 3) «Большой катехизис», напечатанный в Москве при патриархе Филарете, 4) «Соборник», напечатанный в Москве в 1642 и 1647 годах, 5) «Псалтырь следованная», одобренная патриархом Иосифом, 6) «Кириллова книга», напечатанная в Москве в 1644 году, 7) «Книга о вере», напечатанная в Москве в 1648 году, 8) «Кормчая», напечатанная в Москве в 1653 году, 9) «Скитское покаяние», напечатанное в Супрасле в 1788 году, 10)

«Проскинитарий» Арсения Суханова[4] и многие другие. Само собой разумеется, что некоторые из этих книг надо печатать не целиком, а только частями, например, в Иосифовской псалтыри для изучения раскола важно только предисловие.

Что касается до печатных сочинений о расколе, составленных светскими членами православной церкви, то их немного. До последнего времени всего их было, кажется, только двое: г. Андрей Муравьев, автор книги: «Раскол, обличаемый своею историею», и г. А. Щапов, издавший в 1857 году книгу о расколе, напечатанную им, когда он был еще студентом Казанской духовной академии. Первое из этих сочинений теперь редко, но сомнительно, чтобы, в видах научной пользы, потребно было новое издание сочинений г. Муравьева. Что касается сочинения А. П. Щапова, то, конечно, это лучшее из всех доселе вышедших в свет сочинений о расколе, несмотря на некоторые недостатки, неизбежные для студента, еще мало знакомого с действительной жизнью раскольников. Сколько мне известно, уважаемый автор этого замечательного труда намерен, пересмотрев и исправив свою книгу, издать ее вновь. Всякий, кому дорога наука, от души пожелает, чтобы обстоятельства благоприятствовали этому прекрасному намерению г. Щапова.

В последнее время и за границей появлялись некоторые

---

[4] «Проскинитарий» напечатан в 1-м томе «Сказаний русского народа» г. Сахарова, но с выпусками тех мест, которые имеют какое-либо отношение к расколу. «Стоглав» напечатан за границей, но по неисправному списку.

сочинения о русском расколе. Кроме лондонского «Сборника о раскольниках» г. Кельсиева (на русском языке), особенно замечательны: на немецком – барона Гакстгаузена (в его «Путешествии по России»), на английском – графа Красинского (о протестантизме у славян) и на французском – неизвестного автора, но по всему видно, что русского чиновника, «Le Raskol»…

Сочинения раскольников довольно многочисленны. Они имеют даже свою библиографию в каталоге Павла Онуфриевича Любопытного, доведенном до двадцатых годов нынешнего столетия[5]. После П. Любопытного являлось еще немало раскольнических сочинений. До последнего времени из раскольнических сочинений были напечатаны весьма немногие. Перечисление их не будет продолжительно.

1) «История о отцех и страдальцех соловецких». Начинается: *Аще убо древле творец Омир.*

2) «Соловецкая челобитная царю Алексею Михайловичу», начинающаяся следующим обращением к государю: *Благоверному и благочестивому и в православии светло сияющему.*

3) «Послание к брату» (Фирсова), начинающееся словами: *Понеже прошение твое бысть.*

4) «Повесть о белом клобуке», начинающаяся: *По смерти убо нечестивого царя Максентия.* Это сочинение не раскольническое в тесном смысле; оно писано не против право-

[5] Этот каталог, говорят, скоро будет напечатан.

славия, но было обидно для Москвы, – возвышало пред нею Новгород, – а потому и осуждено на том же соборе 1667 года, на котором преданы отлучению и раскольники.

5) «Повесть дьякона Феодора» (О Аввакуме, Лазаре и Епифании), начинающаяся: *Тайну цареву добро есть хранити.*

6) Его же «Мучение некиих старец и исповедник Петра и Евдокима», начинающееся: *В лето 7177 февраля 17.*

7) «Прение священнодьякона Феодора», начинающееся: *Митрополиту, живущу на Москве.*

Все эти сочинения напечатаны в одном сборнике славянской печатью, несколько раз перепечатаны (в конце XVIII ст.) в польских типографиях (в Супрасли и друг.) и в России, именно в Клинцах.

В последнее время (в 1861 г.) стали наконец появляться в печати раскольнические сочинения[6]. Нельзя не пожелать, в видах пользы общественной и пользы науки, чтобы *все* раскольнические сочинения были наконец извлечены из-под спуда и напечатаны хотя бы для одного того, чтобы перед светом гласности они потеряли то обаятельное влияние, которое по редкости и таинственности своей они имеют доселе на наших простолюдинов. Было время, когда полагали, будто оглашение такого рода сочинений опасно для православия и может иметь вредное влияние на народ. Такое мнение, признанное теперь и церковью и правительством за оши-

[6] «История Выговской пустыни», «Житие Аввакума» и друг.

бочное, было оскорбительно для церкви, которой не только какой-нибудь раскол, но даже самые врата адовы, по слову Иисуса Христа, одолеть не могут. Ведь наше православие, как известно, чисто и непорочно, а чистой и непорочной вере нечего опасаться каких-нибудь расколов. Напротив, утаение возражений противников церкви даже может поселить сомнение в сердцах верных. Утаение раскольничьих сочинений придает им важность, которой они не имеют. Утаение от света печатного слова доселе вредило господствующей церкви несравненно более, чем все, что ни написано в этих книгах. Утаение этих книг придавало им авторитет, а расколу силу. Сведение этих секретных сочинений и строгое запрещение не только печатать, но даже иметь их у себя в рукописях давало расколу личину страдающей, угнетаемой правды не только в среде раскольников, но и в глазах образованных людей. В настоящее время, когда начали появляться в печати раскольнические сочинения, и люди образованные и люди только грамотные сознательно усматривают, что учение раскола не более как порождение невежества. Кто же больше всего негодует теперь на появление в свет раскольнических сочинений? Белокриницкие архиереи, беглые попы, раскольничьи большаки, наставники, уставщики, уставщицы, а особенно так называемые народом «коноводы», которым раскол доставляет более или менее значительные материальные выгоды. Эти люди печатание раскольнических сочинений, извлечение их из-под спуда обаятельной тайны и

прежде считали, и теперь считают делом несравненно опаснейшим для них, чем бывшие в прежние времена костры, пытки, ссылки и всякого рода преследования. Эти преследования не только не уничтожали раскола, но, напротив, возвышали и укрепляли его, доставляя ему сонмы страдальцев и мучеников и умножая таким образом число новых последователей, которые, ввиду каждого преследования, толпами обращались в раскол, не понимая вполне сознательно, в чем он состоит, но памятуя лишь старую русскую пословицу: «не та вера свята, которая мучит, а та, которую мучат». Напротив, разоблачение тайн раскола посредством печатания раскольнических сочинений лучше всего покажет и уже начинает показывать несостоятельность догматики раскола, что совершенно роняет авторитет расколоучителей. В настоящее время хотя немного, но уже поднят край завесы, за которой, под тенью благотворной для раскола, и только для одного раскола, тайны, давно скрывалось и пока еще скрывается много неразгаданного, много темного. Желать напечатания всех раскольнических сочинений, как бы дерзко ни отзывались они о церкви и правительстве, значит желать блага и преуспеяния этому самому православию и этому самому правительству. Православию ли бояться тьмы и наветов невежества, которые имеют силу лишь до той поры, пока они не выйдут на свет божий? Кто думает противное, тот оскорбляет достоинство православия. Все, все вышедшее из-под пера расколоучителей непременно следует напечатать, а по-

том все дело подвергнуть строгому анализу и выставить на страшный, неподкупный суд общественного мнения. Гласность, народные школы и совершенное отсутствие даже мало-мальских религиозных преследований – вот единственно верные средства к тому, чтобы раскол пал сам собою. Не надо забывать, что все эти средства не только допускаются, но даже проповедуются православием.

Архивные дела разных правительственных учреждений заключают в себе громадную массу сведений о расколе. Но едва ли правы те, которые смутность современных понятий о расколе считают прямым и *исключительным* следствием недоступности архивов, полагая, что как скоро архивные дела сделаются общедоступными, то сейчас же мгла, покрывающая понятия о расколе, рассеется. Отрицать возможность разъяснения полуведомого или даже почти совсем неведомого раскола посредством извлечения материалов из архивов было бы крайне нелепо, но и полагать, что в этих архивах заключается *все, что нужно для дела,* значит ошибаться. Что заключается во всей этой громадной массе старых дел? Известия о действиях церкви и правительства против раскольников и дела, возникавшие по *частным* случаям. Все это, конечно, важно и, пожалуй, даже необходимо для научного исследования раскола, но все-таки далеко не составляет *главного* и, как иные полагают, *единственного* источника для изучения раскола. Заметим при этом, что архивными делами о расколе следует пользоваться с крайней осторожно-

стью, потому что, при формальных допросах и показаниях, раскольники (да и не одни раскольники) не бывают откровенны и искренни. Вообще в архивных делах что-нибудь одно: или пристрастный, односторонний взгляд лица, чуждого расколу, или умышленно несправедливые объяснения своего дела раскольниками. Взаимное недоверие тех и других лиц, недоверие, существующее не со вчерашнего дня, достаточно объясняет причину этого явления.

До последнего времени правительственные архивы, в которых хранятся дела о раскольниках, были совершенно недоступны для исследователей, но теперь и с них понемножку снимается всегда и во всем вредная тайна. Нам остается только желать, чтобы как можно более являлось таких трудолюбивых и добросовестных архивных деятелей, как гг. Есипов и Ламанский[7].

Но если наконец будут напечатаны и все сочинения духовных лиц, писавших о расколе, составляющие в настоящее время библиографическую редкость, и *все, без исключения,* сочинения раскольников, и наконец извлечения из всех архивных дел, то и тогда всего этого богатого и разнообразного материала все-таки будет еще недостаточно для того, чтобы основательно изучить раскол и снять с него ту темную завесу, которая мешает мыслящим людям знать, что это за явле-

[7] «Записки отделения русской и славянской археологии Императорского археологического общества», т. II, изданные в 1861 году под редакцией В. И. Ламанского. «Раскольничьи дела XVIII столетия, извлеченные из дел Преображенского приказа и Тайной канцелярии» Г. В. Есиповым, С.-Пб., 1861 г.

ние, двести лет существующее в России и никем из русских еще не разгаданное.

Не в одних книгах надо изучать раскол. Кроме изучения его в книгах и архивах, необходимо стать с ним лицом к лицу, пожить в раскольнических монастырях, в скитах, в колибах, в заимках, в кельях, в лесах и т. п., изучить его в живых проявлениях, в преданиях и поверьях, не переданных бумаге, но свято сохраняемых целым рядом поколений; изучить обычаи раскольников, в которых немало своеобразного и отличного от обычаев прочих русских простолюдинов; узнать воззрение раскольников разных толков на мир духовный и мир житейский, на внутреннее устройство их общин и т. п.

Только при подобном изучении раскола и при имении под руками тех материалов, о которых сказано выше, можно будет приступить к *анализу раскола.* А до тех пор это одна трата времени и труда.

Письмо второе

В конце XVII и в начале XVIII столетия, при Петре и его ближайших преемниках, знали тогдашний раскол несравненно лучше, чем мы знаем раскол современный. Знали его лучше нас потому, что, ведя с ним борьбу прямую, борьбу открытую, старались его узнавать во всех подробностях, как полководец старается узнавать состояние враждебного стана. Знали раскол лучше нас и потому, что сами раскольники, как ни тяготели над ними суровые, жестокие законоположения того времени, не вели дел своих так скрытно, как в ближайшее к нам время, не таились ни перед кем до той поры, пока на опыте не узнали, что искренность и откровенность не ведут ни к чему, кроме усиления преследований. Раскольники писали более, чем теперь, правды о своих религиозных убеждениях, обрядах и устройстве своих общин. Главная причина такой откровенности в виду костров, застенков, плахи, кнута и ссылок заключалась в том, что вопрос раскольнический поставлен был при условиях полной гласности. Велась гласная и поэтому честная полемика между представителями церкви и представителями раскола. Правда, в этой полемике было много неприличного, доходившего с обеих сторон даже до ругательств, даже до богохульства; но это было неизбежно при фанатизме обеих сторон, который тогда был в полном разгаре и не мог не быть, ибо в

первую пору всякого религиозного разномыслия фанатизм неизбежно проявляется во всей своей силе, со всеми своими темными сторонами. Притом же грубость и невежество отличали тот век и отражались даже в сочинениях самых просвещенных писателей XVIII века не только у нас в России, не вышедшей еще из мрака невежества, но и в западных государствах, далеко опередивших Россию на пути цивилизации. Несмотря, однако, на фанатизм, несмотря на узкую односторонность, дикую раздражительность и все неприличие (на глаза людей XIX века) этой полемики, правды и искренности в ней было несравненно больше, чем в осторожных и уклончивых сочинениях последующих поколений.

Петр I, при всей широте принадлежавшего ему воззрения на свободу совести, для раскольников, и только для одних их, признавал нужною и даже необходимою строгость. Петру, при его беспокойной, лихорадочной деятельности, хотелось как можно скорее, во что бы то ни стало, совершить задуманную им, для утверждения централизации и абсолютизма, реформу. Ему еще при жизни своей хотелось весь противный ему старинный русский быт заменить бытом народов западных, столь полюбившихся ему сперва на Москве, в Немецкой слободе, где пировал он с Лефортом и девицами Моне, а потом за границей, где в то время господствовал полный абсолютизм. Русский народ охотно перенимал все полезные нововведения, но не мог видеть пользы ни в бритье бород, ни в табаке, ни в парике, ни в других подобного

рода нововведениях. Всего больше народ русский упорствовал там, где петровская реформа касалась домашнего очага, частного быта, вековых преданий. Но, не будучи в силах бороться, русский народ противопоставлял железной воле реформатора страшную силу – *силу отрицания.* Петр, которому хотелось, чтобы все его подданные даже и думали не иначе, как он велит, постигал, что за мощная, что за непреоборимая это сила, единственная сила, которую выработал русский народ под гнетом московской централизации, воеводских притеснений и крепостной зависимости, сила, заменившая в нашем народе энергию, заснувшую с тех пор, как сняты были вечевые колокола и вольное слово самоуправления замолкло перед лицом Москвы. Отрицание всего сильнее было со стороны раскольников, и Петр полагал, что в них, и именно в них одних, кроется корень противления его преобразованиям. В этом убеждении он не мог смотреть на раскольников иначе, как «на лютых неприятелей государю и государству, непрестанно зло мыслящих», как выразился он в одном из многочисленных своих указов. До какой степени было справедливо такое мнение Петра, можно видеть из опубликованных в последнее время материалов по делу о несчастном царевиче Алексее Петровиче. Может быть, старо-русская партия царевича возлагала свои надежды на раскольников, может быть, и сами раскольники возлагали на Алексея свои надежды; может быть, они хотя и ошибались, но смотрели на несчастную жертву интриг Меньшикова и

Екатерины как на будущего восстановителя попираемой и презираемой отцом его старины; но ни в розыске по делу царевича, ни во всех раскольнических сочинениях того времени, ни в преданиях раскольников не видно ни самомалейшего следа, который обличал бы какую-нибудь причастность раскольников к этому делу. Но тем не менее крутые, железные меры Петра против раскольников и строгий правительственный надзор за ними начинаются непосредственно за процессом царевича Алексея. Явление, достойное серьезного исторического исследования, на которое, сколько мне помнится, еще не было обращено внимания исследователей. Кто знает, может быть, какая-нибудь строка, какое-нибудь невольное слово полупомешанного колодника, вырванное у него на дыбе или на виске, навлекло на раскольников длинный ряд строгих и несправедливых преследований.

Но Петр, объявив публично и торжественно государственными и своими личными неприятелями раскольников, вступив с ними в борьбу не как с противниками господствующей церкви, но как с ревностными поборниками ненавистной ему старины, хотел смотреть расколу прямо в глаза и в конце своего царствования употреблял все возможные для него способы и средства, чтобы наверное и как можно скорей узнать, с кем и с чем имеет он дело. Гласно, открыто, со свойственной ему во всех, даже и в самых жестоких и несправедливых делах, откровенностью, с полным, никогда не покидавшим его убеждением в непогрешительности всех

своих поступков, вступил Петр в борьбу с расколом. Он не принял себе за образец испанских королей, которых еще с XV века православное духовенство ставило русским государям в образец, достойный подражания[8], и которым, как известно из истории, иные христианские монархи и последовали. Он не подражал ни Филиппу II, ни его преемникам, что в безгласном мраке инквизиции секретно губили даже подозреваемых только в уклонении от господствующей церкви, тщательно отбирая повсюду и предавая то таинственному, то всенародному, торжественному сожжению книги и рукописи, которые у них отбирали. Петр не старался о том, чтобы никто не смел говорить о расколе; да и странно было бы не говорить о том, что существует, что растет с каждым днем, что возбуждает против себя сильные меры правительства, что возвышает свой голос, что заставляет подчас задумываться самого Петра, не любившего ни над чем задумываться. Хотя он открыто и торжественно заявил себя непримиримым врагом раскола, но не прятал дела в мрак безгласности. В этом, и только в одном этом отношении он

[8] Так, в 1490 году Геннадий, архиепископ новгородский, знаменитый, впрочем, ревнитель просвещения, писал к московскому митрополиту Зосиме по делу о новгородских еретиках: «А толко, государь наш, сын твой князь великий, того не обыщет и тех не казнит, ино как ему с своей земли та соромота свести? Ано фрязове по своей вере какову крепость держат; сказывал мне посол цесарев про шпанского короля, как он свою землю очистил, и яз с тех речей и список к тебе послал, и ты-б, господине, о том великому князю пристойно говорил не только спасения ради его, но и чти (чести) для государя великого князя». «Акты археогр. экспедиции», 1, № 381.

не подражал современнику своему Людовику XIV, абсолютизм которого в глазах Петра был идеалом государственного благоустройства. Он не разрушал молитвенных домов раскольников, как тот разрушал молельни кальвинистов, не отбирал достояния раскольников в пользу православных церквей (единоверия при Петре еще не было), как Людовик отбирал достояние гугенотов в пользу католических капелл. Он не посылал войск для насильственного побуждения раскольников возвратиться в лоно православия, как Людовик XIV, посылавший полки драгун для обращения гугенотов «в лоно святой римско-католической церкви». Нет, в этом отношении Петр не был похож ни на своих предшественников, ни на своих современников, ни даже на своих преемников. Он вел с раскольниками борьбу гласную, борьбу открытую. Одной рукой карая их, как противников совершаемой им реформы, карая их, как людей, противопоставивших ему страшную даже и для его железной воли силу отрицания, другой рукой он осыпал их благодеяниями, если замечал, что гражданская деятельность их для него полезна. Так, по представлению Геннинга, он предоставил важные льготы поморским и выгорецким раскольникам, на опыте доказавшим полезность свою для учрежденных в нынешней Олонецкой губернии горных заводов и сверх того отыскавшим неизвестные дотоле в России золотые рудники. Оттого и сами раскольники, как ни тяжела была для них железная рука Петрова, как ни ненавистен был им этот губитель старины, оглашенный

ими за антихриста, верили ему и до тех пор не скрывали перед ним своих дел, пока казнь Александра дьякона в Нижнем и ряд обманов и подлогов, допущенных чересчур усердными слугами Петра, не заставили их быть осторожнее и недоверчивее[9].

Петр также никогда не скрывал и числа раскольников, как это делывалось впоследствии, и тем не заставлял их скрываться в тайне. Напротив, ему принадлежит известный и

[9] Замечательнейшими памятниками этого времени были «Керженские ответы Александра дьякона Питириму» и «Поморские ответы Андрея Денисова Неофиту». Первые заключают в себе полный свод всех убеждений раскольников поповщинской секты, вторые – такой же свод убеждений беспоповщины. Несмотря на то, что в продолжение последних 140 лет и поповщина и беспоповщина во многом и даже очень во многом изменились, нам доселе остается судить о догматствовании того и другого толка преимущественно по «Ответам Керженским и Поморским», ибо после них не являлось более ни одного столь полного и столь стройного раскольнического сочинения, в котором так подробно, так обстоятельно и вместе с тем так откровенно изложены были бы религиозные разномыслия русских раскольников. «Керженские ответы» распространены в меньшем числе экземпляров, чем «Ответы Поморские». Подлинник их принадлежит теперь мне. Почти двадцать лет принадлежит мне эта рукопись, но лишь недавно, по совершенно случайному обстоятельству, нашел я на бывших приклеенными к переплету листках собственноручную заметку Питирима; по сличении рукописи с подписями Александра оказалось некоторое сходство в почерке. Полного сходства и быть не может, ибо «Ответы» писаны уставом, а подписи скорописью. Г-н Александр Б. в своем «Описании книг, написанных в пользу раскола» подробно говорит о «Керженских ответах», но, кажется, бывший у него под руками список не полон. Иначе он, конечно, не пропустил бы, например, весьма замечательного описания внешности «Деяния на Мартина армянина», рукописи, которая, по повелению Петра I, была выложена для удостоверения раскольников, а потом запечатана, положена в синодальную московскую библиотеку и не была показана даже и Карамзину («Ист. Гос. Росс.», т. II, прим. 415).

впоследствии долго действовавший закон об официальной переписи раскольников по всему государству, с наложением строгих наказаний за избежание и укрывательство от записи в заведенные для того особые книги. Всякий, даже вновь поступивший в раскол, обязан был записаться раскольником в приказе духовных дел. За это преследования и наказания не было, как впоследствии. Петр до такой степени был далек от римско-католической системы секретом прикрывать религиозные разномыслия, что даже строго предписал всем раскольникам, под опасением тяжелого штрафа, носить особое указное платье. Он хотел, чтобы все раскольники были у него и у всех на виду и на счету, не теряясь в общей массе. Повеление об указном платье составляет правительственную меру, оправдываемую общим характером петровских действий и неприменимую к последовавшему времени, но во всяком случае она чрезвычайно замечательна, как свидетельство того, что Петр хотя и признавал раскольников своими «лютыми неприятелями», но никогда из дела их не хотел делать секрета, не хотел его прятать в потемки, ибо знал, что ничто так не может усилить и распространить раскола, как тайна, и ничего нет для него страшнее, как полная гласность. Казни, пытки, ссылки усилили раскол, умножили число его последователей, но далеко не настолько, насколько в последнее время увеличила их несчастная тайна, которой долгое время покрыт был раскол и которая доходила до того, что даже нельзя было напечатать слов: «в России есть

раскольники».

Полная гласность в деле правительственных противодействий расколу продолжалась при ближайших преемниках Петровых. Когда, по доносу разбойника Караулова, открыта была в Москве хлыстовщина, неправильно названная тогда квакерскою ересью, Святейший синод издал, в 1734 году, указ о всех тайностях этой ереси, для *всенародного объявления.* Этот указ читали в церквах, чтобы все знали о новой ереси. Так поступали и во всех подобных случаях.

При таких действиях правительства в первой половине XVIII века накопился большой запас сведений о религиозных разномыслиях русского народа, из которых можно было тогда, можно и теперь получить довольно ясное понятие о том, что такое был русский раскол в то уже далекое от нас время. Недостаток сведений сказывается лишь относительно тех религиозных разномыслий, последователи которых, понимая лучше влиятельных людей позднейшего времени, что ничто так не укрепит их вероучения, как секрет, действовали в тайне и потому до времени не обращали на себя внимания. Под покровом тайны, благодетельной для успехов всякого религиозного разномыслия, развились в прошлом и в нынешнем столетиях нелепые и изуверные учения хлыстов, скопцов, шелапутов, фарисеев, что едва ли случилось бы, если бы первые их последователи вели свое дело открыто и гласно.

Открытая борьба с расколом продолжалась и во вре-

мя елизаветинского царствования. Елизавета, благоговевшая пред всяким действием своего отца и вместе с тем исполнявшая желания православного духовенства, была для раскольников грознее своих предшественников. Но как ни жестоки были в ее время действия против последователей раскола, все же они были гласны и открыты. Петр III, как скоро вступил на престол, повелел прекратить преследования раскольников. Это до такой степени обрадовало преследуемых в продолжение целого века раскольников, что все они доселе уважают память этого государя, а некоторые сектаторы (скопцы) даже признали его воплощенным божеством. Одно это обстоятельство может достаточно показать, каково было раскольникам до дней Петра III.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.